

МОЕ «ФИЛОСОФСКОЕ ПОКОЛЕНИЕ»¹

А.В. Михайловский

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Аннотация: В статье с позиций герменевтической философии исследуется феномен поколения, самопонимания / узнавания себя в поколении. Первая часть представляет собой воспроизведение авторского эссе 1999 года. В нем отмечено, что 1) в свидетельствах отдельных представителей поколения осуществляется опосредование индивидуального и всеобщего; 2) идентичность поколения осмысливается через отношение с другим; 3) для узнавания себя в поколении важен «дореклексивный» уровень, который предшествует разделению на интеллектуальное и чувственное. Вторая часть содержит описание событий, встреч с людьми, опыта чтения и переживаний представителя поколения, чье интеллектуальное формирование происходило преимущественно в последнюю декаду XX века.

Ключевые слова: философский факультет РГГУ, философский факультет МГУ, Институт философии РАН, В.В. Бибихин, В.И. Молчанов.

Летом 1999 года я написал по заказу журнала «Лицейское & гимназическое образование», с которым тогда сотрудничал как учитель латыни Московского культурологического лицея, небольшое философское эссе о том, что такое поколение. Спустя двадцать лет меня попросили написать эссе о «философском поколении» – то есть, насколько я понял замысел, о своем поколении в философии. Меня посетила идея сначала перечитать то, что было написано «при первом подходе к снаряду», а потом органично пришло решение воспроизвести в первой части свое старое эссе под названием «Поколение: наброски к теме» с небольшими купюрами. *Своего поколения* я тогда еще не видел, ведь в отличие от *генерации* в биологическом смысле оно не наличествует как таковое. Чтобы схватить его как сущее в его бытии, следовало сфокусировать внимание на самом феномене поколения. Мне это было понятно уже тогда. Первая интуиция за прошедшее время наполнилась содержанием, благодаря автобиографическому континууму появилось отчетливое видение духовных предметов и их отношений. И вот теперь над первым текстом надстраивается второй. Републикация меня не смущает, наоборот, она дает некую глубину резкости. Кроме того, она свободна и от греха «умножения сущностей», поскольку это эссе не встречается на «просторах интернета», номера же «ЛГО» – одного из символов славной эпохи 90-х годов наряду с московскими журна-

¹ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 838–850.

лами «Начала», «Arbor mundi» или ежегодником «Архэ» – давно стали библиографической редкостью.

ПОКОЛЕНИЕ: наброски к теме

Как мы причисляем себя к какому-то поколению? – ответить на этот вопрос непросто. На первый взгляд всякий может более или менее однозначно установить свое место на карте возрастов, поскольку здесь открывается многообразие способов самоидентификации, отнесения себя по ряду признаков к определенному целому. Механизм не представляет никаких трудностей. Те же годы, похожие предпочтения, ассоциации, наконец, сходство взглядов на мир... Для того чтобы этот механизм заработал, необязательна даже актуализация прошлого. Достаточно единства ситуации, направленности внимания. Однако сложности здесь все же есть, и они имеют решающий характер. Наша задача как раз и состоит в том, чтобы указать на них и, возможно, сделать попытку разобраться с ними.

С человеком на протяжении его жизни происходит множество изменений, которые в античности были обобщены и схвачены под именем *aetates*. Они суть то, что вносит разнообразие в человеческий век, образующий век мира. Измерять столетия поколениями – обычай, отраженный уже в древнем мифологическом представлении о золотом веке. Раннее поколение блаженных и беззаботных людей, живших как боги, характеризовало целую эпоху, предварявшую историю. Чередование времен соотносится с последовательностью возрастов, и тем самым мы приходим к основной мере эпохи. *Pueritia* сменялась *adulescentia*, далее наступала *juventus*, за ней следовал возраст *seniores* и, наконец, *senectus*. В связи с этим следует процитировать очень глубокое высказывание одного немецкого философствующего писателя: «Дитя живет в сказке, юноша – в мифе, зрелый человек – в истории, старик – в одухотворяющемся мире. Круг замыкается: ребенок выступает в явленность из неразделенного, старик возвращается туда обратно». Согласно этому представлению, каждый возраст – это не просто возраст, но и новый образ эпохи, новый образ мира, который впервые открывается тому, кто готов воспринять. Но все они возвращаются к началу, многократно преломляясь друг в друге.

Основное свойство этих возрастных периодов, имеющих свой фиксированный срок (около 15 лет), заключается в том, что они именно происходят, случаются с человеком, хотя и не совсем так, как, скажем, природные катаклизмы или крупные политические, социальные или даже психологические события. Тем не менее их всех объединяет то, что человек обнаруживает их уже слишком поздно и фатально не успевает к ним подготовиться. Эти события опережают его ровно настолько, сколько необходимо для того, чтобы обернуться и внимательно посмотреть. Здесь кстати было бы упомянуть афоризм, наиболее достойное место которому – циферблат какого-нибудь хронометрического устройства, вроде солнечных часов: «Уже гораздо позже, чем ты думаешь» – удачное изречение, ибо сразу же возникает вопрос о его авторе. Что с нами происходит или, скорее, всегда уже произошло, ведомо одному лишь Богу, который оставляет нам одно незанятое место – место самопознания, обозначенное фразой: *gnothi sauton*, узнай самого себя.

Стало быть, если наступление нового возраста обладает *такой* природой, то для того, чтобы уловить его, нужна чуткость и острота взгляда. В этом взгляде должно совмещаться два способа видения – внимание к детали и схватывание целого, как раз позволяющее осмысленно наблюдать части, их взаимопереходы и взаимосвязи. Примерно так же действует зрение, например, в случае созерцания картины. Смена возрастов и, соответственно, смена поколений, очевидно, близка изменениям во внешнем виде человека. Из этой параллели хорошо можно увидеть, что на вопрос о «качестве» поколения ответить не так просто, как могло бы показаться. Все опять-таки видят, как с возрастом изменяется лицо и тело в целом, однако заметить *границу* самого изменения никогда не возможно. Можно видеть, что это действи-

тельно так, за исключением ряда случаев, когда за одну ночь меняется сразу весь человек; про некоторые из таких случаев говорят, что «решения наложили на него свой отпечаток». И в том, и в другом примере происходит сдвиг *in toto*, а не *in parte*. <...>

Если трудно установить границу, то оказывается весьма сомнительной и речь об определении. И тем не менее мы должны сказать, опираясь на собственный опыт, что улавливание различия имеет место, хотя и не на понятийном уровне: оно, скорее, сродни поэтической игре настроения. Здесь кроется более глубокое значение физиономики, чем это за ней обычно признается. Наряду с моментом изменения, естественно, присутствует и связанный с ним момент тождества. В лице словно сохраняется некий инвариант, представляющий фон загадочного шекспировского спектакля жизни. Приобретая новые черты, лицо тем не менее остается тем же, сохраняя более глубокое тождество, недоступное движению беспокойных волн на поверхности.

Итак, рассуждая о границе между поколениями, мы фиксируем, что она в чем-то подобна своего рода физиономической границе. Но что особенного, специфического мы можем сказать непосредственно о различии поколений и их смене? И первым делом приходит на ум традиционный критерий мировоззрения. Действительно, что может быть более очевидным, чем спор «отцов и детей»? Одни являются представителями одних идеалов, другие – представителями других. В основе их размежевания лежат разные картины мира, которые складываются из ценностей, ценностных ориентиров. Понятие ценности, как показал Кант, целиком и полностью связано с индивидуальной свободой. Поэтому следует признать, что именно картина мира будет определять меру свободы или несвободы человека того или иного поколения, а также меру вытекающих отсюда действий. Если человек полагает себе ценности, то он задает себе и определенный способ поведения, которым он руководствуется, а также судит о поведении других людей. Данное обстоятельство является той непреложной основой, на которой зиждется вся нравственная, и в том числе педагогическая, аргументация.

Если картину мира формируют идеи, влечения, интересы, имеющие ценностный характер, то не следует ли именно в этом искать ключ к загадке поколения? Проанализировать составляющие мировоззрения и сказать: этот человек – шестидесятник, этот – довоенного поколения, а этот принадлежит к «поколению, которое выбрало пепси». Такой способ действия прост, и, вероятно, это одна из причин, по которой мы считаем его правильным. Однако как раз эта простота закрывает другие подходы к той же проблеме. Неужели все исчерпывается пресловутым «взглядом на мир», доводящим до вражды людей, родившихся в разное время? Ведь отстаивание идеи – довольно пустое занятие. Мало кто умирал за идею, если, конечно, не брать в расчет людей вроде Ломова из чеховского «Предложения», которые готовы слепо воевать «ради принципа» и затем падать в изнеможении, отказавшись от настоящего, действительного события.

Любой поступок, совершающийся во имя идеи, имеет в своей основе то, что можно было бы назвать пониманием, интуицией, опытом. Что стоит за этими словами? Иметь некий опыт – значит получить непосредственный доступ к вещам действительности, соприкоснуться с ними, так сказать, «всем телом», вступить с ними в контакт, не допуская никаких мыслей «по поводу». Ибо любая мысль, идея, чтобы не превратиться в отвлеченную идеологию, должна получить свое подтверждение в опыте. Точнее говоря, опыт впервые обнаруживает для нас эту идею.

Тут встает вопрос о понимании. Понимание как событие значимо только тогда, когда я сам понял нечто. В противоположность идее понимание принципиально нетранслируемо. Это следует обозначить как базовый опыт любого педагога. Как может путь понимания вести в мир другого? Данный вопрос имеет исключительно герменевтический смысл. Отказавшись от «последней истины», мы пробуем найти доступ к другому – в игре, в диалоге и, не в последнюю очередь, в «блеске глаз». Неизменным при этом остается только одно требование: смотри внимательно.

Приведем пример, который мог бы проиллюстрировать ситуацию. Представьте себе следующую сцену: юная девушка вынуждена отвечать своему отцу, в чем всё-таки заключается прелесть той музыки, которую она готова слушать день и ночь, досажая родителям и соседям. Озабоченный воспитанием подрастающей дочери, отец настроен очень критично, но тем не менее дает возможность высказаться и защитить себя. И в этом столкновении поколений девушка не упускает свой шанс, раскрывая отцу глаза. Она говорит, что в этой музыке (допустим, это рок-н-ролл) ее привлекает движение и ритм, которые она чувствует изнутри; это воодушевляет ее и помогает ей найти себя в жизни. Сначала отец смущен, но затем он вспоминает тот опыт, который впервые открылся ему самому два или три десятилетия назад, что было с ним, скажем, когда он впитывал в себя новую музыку джаза. Именно в этот момент происходит понимание. Опираясь исключительно на собственный индивидуальный опыт, он обнаруживает свою включенность в более широкий контекст. Можем ли мы сказать, что отец не знал, к какому поколению принадлежит дочь? Безусловно, прежде у него было свое мнение на этот счет, аргументированное мнением общества. Но понял он этот факт впервые. Он впервые *узнал* другое поколение, вычленив его целостный облик из массы разноречивых признаков и свидетельств. Узнал, что к этому поколению принадлежит его дочь и все те, кто *чувствует* как она.

Узнал ли он только это? Конечно нет. В этом событии узнавания другого совершается узнавание самого себя. Умно поступающий человек (как в нашем примере) не выпускает вперед свои предрассудки², а оставляет место для нового, незнакомого, к приходу которого нельзя подготовиться совершенно. Благодаря этому человек открывает в себе другого и себя в другом. Если действовать иначе, то мы рискуем потерять не только другого, но и себя самих. Таким образом, наличие поколений – далеко не статистический факт; оно требует особого к себе отношения, ибо ставит реальную проблему общения, которое всегда предполагает возможность взаимопроникновения.

Следуя этим соображениям, попробуем все-таки обозначить то, что кроется за понятием «смены поколений». Между одним и другим поколением может стоять временная разница всего лишь в четыре-пять лет, но также может случиться, что время одного все длится и длится, превышая свой срок. В любом случае важно услышать бой часов, который окончательно скажет, чье время удалилось в прошлое и чье время настало. Этот бой часов имеет принудительный характер, расставляя все по своим местам – и незавидна участь того, до кого ветер не донес весть о переменах или донес ее с опозданием. «Несвоевременных» всегда было много – не тех, чьи пророчества сбывались, но тех, которые словно в забытии продолжали говорить о том, чего уже никто *не понимает* и что уже никому не интересно (разумеется, за исключением тех, кто продолжает говорить на их языке). И речь здесь опять не об идеологии, сущность которой остается той же – независимо от того, характеризуем ли мы ее как «бездуховную» или «духовную». Напротив, принадлежность человека к поколению выдает себя в языке, зрении, слухе, сфере чувства в целом. *Так, различие между новым и предшествующим поколением состоит в том, что начинают говорить, видеть, слышать по-другому.* Сюда, скажем, относятся высказывания типа: «они слышали музыку революции». Ведь для людей

поколения рубежа веков и в самом деле звучала музыка революции, тогда как другие слышали тут лишь какофонию. Еще один, уже современный пример. Поколение, *pueritia* которых пришлась на постперестроечную эпоху, обладает совершенно *иным* опытом визуального. Этот опыт практически недоступен человеку, зрение которого было вышколено на книге. Причем дело тут вовсе не в большей или меньшей степени визуализации: меняется сам способ восприятия, реально значимой является лишь зрительно представленная информация.

² Предрассудок – это как бы резерв, который суждение всегда торопится использовать.

В одном ли восприятии показывается другое? Здесь мы должны обратить внимание на противоположный полюс. Если с восприятием совершается что-то новое, то следует спросить, не совершается ли чего-то нового с тем, что это восприятие воспринимает. Отвечая на вопрос, мы наталкиваемся на возникающий здесь герменевтический круг: видение нового предполагает новые глаза, а между тем последние уже являются признаком изменений, происшедших с самой действительностью, признаком того нового, которое возникает как раз по логике революций. Ведь тут речь идет не только о новом поколении, но и о новой эпохе, в которую происходит становление этого поколения, определяющего для потомков ее лицо. Однако тут все решает причастность к новому, которая не приобретается поколением, а даруется ему свыше. Сформулируем это так: человек открывается новому в той мере, в которой это новое требует его для себя. По этой причине следует иметь в виду, что как позиция отторжения, так и позиция одобрения в одинаковой степени бьют мимо цели. Что действительно важно – так это увидеть другое, новое поколение как средство самопознания, ощутить в нем значимую величину, равную по силе твоей собственной. Потому что, подходя к нему открыто и свободно, мы впервые получаем шанс открыть в нем что-то новое и удивиться – удивиться не только другому, но и давно знакомому в нас самих.

Несмотря на некоторую наивность примеров и вычурность стиля, в этом эссе были высказаны три мысли, которые, как я с удивлением обнаружил, остаются важными для меня по сей день и позволяют наметить вехи в движении по заданным мне инициатором и составителем этого сборника Ю. В. Синеокой вопросам о «философском поколении». Как легко можно убедиться, все эти мысли так или иначе стоят под знаком феноменологии и герменевтики. Во-первых, там отмечено, что в свидетельствах отдельных представителей поколения осуществляется опосредование индивидуального и всеобщего. Во-вторых, идентичность поколения осмысливается через отношение с другим. И в-третьих, акцентируется важность не приметного внешним образом «дореклексивного» уровня, который располагается до того момента, где начинают разделяться интеллектуальное (ценности и проч.) и чувственное.

Именно потому, что «философское поколение» образует естественную часть *целого* поколения, я могу предполагать общий опыт чтения книг, которые, однажды став частью чьей-то индивидуальной истории, при упоминании вызывают устойчивые переживания у многих и тем самым могут служить «маркером» поколения; я обращаюсь к фигурам старших учителей, которые задавали нашему поколению правильный тон; наконец, я не прохожу мимо событий и мест – зданий, аудиторий, книжных магазинов, залов библиотек, – где происходили эти события – встречи с книгами и людьми. Эти «критерии» образуют своего рода *оселок*, при помощи которого можно довести до надлежащей остроты описание существенных черт людей, которые росли в своем *времени* и на своем *месте*, а значит лучше увидеть, чем «свое поколение» похоже или не похоже на предшествующее и следующее.

Прежде всего, следует сказать, что моего философского поколения очень мало. Оно – величина, стремящаяся к нулю... конечно, не в качественном, но в количественном отношении! Не потому, что в конце 70-х – начале 80-х годов в Советском Союзе рождалось мало детей (наоборот, эпоха позднего Брежнева была самой успешной в демографическом отношении), а потому, что наша юность пришлась на время, которое многим казалось весьма неблагоприятным для старта «официальной» гуманитарной карьеры. В лучшем случае три-четыре человека с курса были готовы идти дальше с отметкой в дипломе «Философ. Преподаватель философии», остальные предпочитали получить еще одно образование, например экономиста, или без лишних потерь переместиться в книжную торговлю. Так возник сильный разрыв между поколением тех, кто пришел в философию в 80-е годы, с одной стороны, и поколением тех, кто заставал в университетских коридорах только призрак диамата и – в силу отсутствия системной прививки – плохо понимал, зачем вообще вписываться в академические структуры, условность которых чувствовали даже руководители факультетов и секторов ИФРАНа. Владимир Бибахин, ушедший с кафедры истории и теории мировой

культуры Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова всего через несколько лет после ее основания в 1989 году, читал свои знаменитые утренние лекции по вторникам в поточных аудиториях 1-го ГУМа сначала с устного разрешения декана философского факультета А.В. Панина, а потом и декана В.В. Миронова, не находясь вообще ни в каких официальных отношениях с университетом.

Это граничащее с анархизмом отношение к условности «расписания» прочно вошло в нас именно в начале 90-х годов. Паки и паки реку: 90-е годы были временем свободы, точнее «свободы собственности», если вспомнить понятие того же Библихина. С одной стороны, свобода приватизации, произвольного присвоения имущества и доходов государственных предприятий, то есть обличенная Прудоном и все же манившая бывших советских граждан своей недоступностью *свобода грабежа*, с другой – привлекательная для немногих свобода осуществления *своего, собственного*, через освоение которого открывался шанс стать самими собой. Нищета философии, *Armut der Philosophie*, вдруг оказалась единственным паролем, оставшимся от ушедшей из вузов марксистской доктрины. Во всяком случае, это была одна из причин, почему академия и университет долгое время оставались малопривлекательными для выпускников вузов.

Но даже думать о трудоустройстве было неинтересно тем, у кого вся жизнь представляла собой сплошное *skhole!* Захватывала интеллектуальная свобода (не вольность!), полное отсутствие идеологических рамок. Время учебы было занято сжатым, плотным, интенсивным чтением в основном переводных книг по психоанализу, структурализму, феноменологии, герменевтике. Время после университетских занятий посвящалось бесконечным вольным беседам в комнатках независимых издательств, знаменитым философским собраниям в подвале книжного магазина «Эйдос» в Чистом переулке, посещению букинистов в Столешниковом и Камергерском переулках, вечерним семинарам в старых и еще не заgrimированных «евроремонт» московских особняках, занимаемых разными учреждениями Министерства культуры и Академии наук. Были и всенощные бдения в московских храмах и подворьях, и паломничества на Рождество и Пасху в обитель преподобного Сергия на Маковце, и дружеские разговоры с только что рукоположенным иеромонахом Дионисием (Шлёновым), ревновавшим в числе других лаврских колливадов о защите святоотеческого предания и восстановлении классической учености в стенах Московской духовной академии.

Мой путь в философию был во многом определен лекциями Татьяны Вадимовны Васильевой о Платоне, которые я слушал вместе с первым набором на философский факультет РГГУ зимой 1992 года, пробравшись в здание бывшей ВПШ на Миусской площади увлекающимся 11-классником вполне себе средней московской школы. Уже в следующем году я писал курсовую работу под ее руководством по «Поэтике» Аристотеля. Вполне классический специалитет, который тогда еще не уничтожила Болонская реформа, украшали лекции В.Д. Губина и А.И. Абрамова, Б.А. Старостина и В.В. Калининченка, А.П. Огурцова и С.С. Неретиной, Ю.А. Шичалина и В.А. Подороги – многие научные сотрудники ИФРАНа вовсе не считали для себя зазорным работать «полставочниками» в «Университете Афанасьева».

Моя пайдеия в стенах Российского государственного гуманитарного университета имела в самом деле гуманитарный характер, что и повлияло на мое понимание философии в духе герменевтических задач. Большую роль сыграло общение (продолжающееся и по сей день) со студентами параллельных курсов историко-филологического факультета и Историко-архивного института – Мишей Полянским, Костей Ерусалимским, Димой Беляевым. Глубоко вошли в память, вплоть до переживания жестов и интонаций, лекции мэтров из ИВГИ – М.Л. Гаспарова, Г.С. Кнабе, Л.М. Баткина, С.Ю. Неклюдова. Экзамен по мифологии Е.М. Мелетинскому, уверен, теперь уже представляется каким-то почти мифологическим событием тем, кто поступал в тот же университет в начале «нулевых» годов.

Для кого-то философ – это тот, кто увидел / услышал никем не видимые / не слышимые идеи, сквозь которые открывалась новая перспектива понимания. Декартовское «*Cogito ergo sum*» или ницшевское «Бог мертв». Тот, кто породил концепты, которые, по выражению Делёза-Гваттари, теперь несут в себе авторскую подпись, *la signature*. Для меня же, внимательного слушателя лекций А.В. Ахутина и В.В. Биbihина, ответить на вопрос «Что такое философия?» в любом случае было невозможно «извне», не погрузившись сначала в философское вопрошание, не начав читать философию (один из курсов Биbihина в МГУ так и назывался: «Чтение философии»), не войдя в диалог с мыслителями прошлого. Поэтому философия открывалась как бесконечная интерпретация философского наследия, через которую только и могло произойти «узнавание себя». Слова А.В. Гулыги из одной статьи 1988 года как будто предвосхищали то настроение, в чьи тона были окрашены первые годы философии постсоветской эпохи и которое было бы нелепо оспаривать: «Сегодня философия может существовать только как история философии. Поэтому прав Хайдеггер, призывающий нас обратить взоры к прошлому, к традиции. Нельзя согласиться лишь с требованием вернуться к доплатоновской мудрости. Классика – для нас эталон».

Красивые, изящные, местами потрясающие своими неожиданными поворотами и приемами – не *всего лишь* интерпретации, а осуществления «дела философии», ответы на вызовы эпохи, как постоянное и строгое *logon didonai* в захватывающем предприятии мысли. Через это не формировалось идеологическое сознание (возможно, это было важно ректору Ю.Н. Афанасьеву, но *нам, студентам*, было до известной степени *все равно*, какие взгляды исповедовала читавшая спецкурс по французскому экзистенциализму В.И. Новодворская, имело значение только то, что эта дама, смотревшаяся в университетской аудитории весьма и весьма колоритно, переводила во времена тюремной юности Камю и Сартра), но воспитывалось герменевтическое чутье к миру и его феноменам. Нет, философия не должна была иметь дело с «инновационным», «креативным», «концептуальным» ни в каком виде! От Блага рождается Ум, а от Ума – Душа: пожалуй, вместе с Плотиним мы могли утверждать, что это учение не ново, а потому ничего более не желали, как только истолковывать доктрину древних (ср. «Эннеады» V. 1.8).

В моих занятиях немецкой философией виноваты конечно же мои главные наставники – профессор Виктор Игоревич Молчанов и неакадемический Владимир Вениаминович Биbihин. Благодаря первому я прошел гуссерлевскую школу феноменологии. Благодаря второму постигал искусство философского и литературного перевода – прежде всего, через его работу со словом.

«Язык философии» – пожалуй, до сих пор самая известная книга В.В. Биbihина. Чеканный тезис «слово в своем существе – голос события» стал для меня еще одной путеводной нитью, позволил понять, что настоящая философия – это филология, любовь к слову, что через исследование феноменов языка можно оказаться в самой средоточии философской рефлексии. Книга была напечатана в издательской группе «Прогресс» тиражом 5000 экземпляров и сразу стала философским бестселлером. Тираж разлетелся за несколько месяцев, как, впрочем, уже после первого прочтения разлетелся и клееный корешок книжки. Да, в начале 1990-х годов можно было говорить о бестселлерах философской и гуманитарной литературы.

Осенью 1993 года в издательстве «Республика» вышел пятидесятитысячным тиражом сборник работ Мартина Хайдеггера «Время и бытие». Чтение статей «Время картины мира», «Европейский нигилизм», «Вопрос о технике» оказалось для меня первым серьезным знакомством с европейской философией XX века, знакомством, которое открывало более широкие перспективы, чем экзистенциализм Камю или эзотерика Кастанеды – увлечения тогдашних шестнадцатилетних юношей. Критика современности, история метафизики, онтологическое измерение техники – вот темы, которые меня захватили тогда и не отпускают до сих пор. Дипломную работу и диссертацию я писал о «критике техники» у Эрнста Юнгера

и Мартина Хайдеггера. Сейчас я член двух немецких обществ – Ernst und Friedrich Georg Jünger-Gesellschaft e. V и Martin-Heidegger-Gesellschaft e. V.

Греческое начало философии тоже держало меня в поле своего притяжения. На втором курсе я переводил под началом Александра Арнольдовича Столярова важное для триадологических споров об ипостаси и сущности 38-е письмо св. Василия Великого и готовил свою первую публикацию для «Историко-философского ежегодника» за 1995 год. Я стал частым гостем в «Секторе истории западной философии», где всегда ждал радушный прием с чашкой чая и печеньем. Так возникло знакомство с добродушной Виолеттой Павловной Гайденко, которая в какой-то момент пригласила энтузиастически настроенного студента написать статьи по патристике для Новой философской энциклопедии.

– Почему не Аверинцев? – искренне удивлялся я.

– Аверинцев свои статьи уже написал и опубликовал. Мы хотели бы привлекать больше молодых авторов.

Конечно, без статей Аверинцева «Библия», «Бог» или «Вера» Новая философская энциклопедия не стала бы «новой», но важно – и это немалая заслуга сектора, – что редакторы действительно включили немало достойных статей молодых авторов, в том числе написанных моими однокурсниками – специалистом по Фоме Аквинскому К.В. Бандуровским и незаменимым мастером-верстальщиком гуманитарных московских издательств от «Греко-латинского кабинета» до «Индрика» А.В. Иванченко.

Думаю, только моему поколению повезло не знать границ в вузовском ландшафте Москвы и Санкт-Петербурга. Так, было вполне естественно предпочесть скучным занятиям по психологии или педагогике сидению в Иностранке или Историчке поездку с Миусс на Волхонку или на юго-запад Москвы. Мы с друзьями из разных московских вузов ездили «на Бибихина». Кто-то начал слушать его лекции раньше, с «Раннего Хайдеггера», кто-то, как я, с осеннего семестра 1994 года. Была «Пора». Курс о Витгенштейне, который стал же у него и последним, в осеннем семестре 2002 года.

Эти лекции были событием, чудом, хоть и регулярно повторявшимся. А вот из единичных событий нельзя не назвать выступление Жака Деррида во Французском колледже в 1995 году. Настоящий *expérience unique* – знаменитый французский философ входит в аудиторию, снимая шляпу и плащ, но не выпуская трубки изо рта. В проходах сидят слушатели, выступление транслируется в соседнюю аудиторию. Выступление Поля Рикёра в «Красном зале» ИФРАНа в 1996 году на тему «Герменевтика, этика, политика» проходило в гораздо более строгой академической атмосфере. Это выступление хранится у меня в записи на аудиокассете. Зато поспорить по популярности у московских интеллектуалов с французом Деррида смог итальянец Умберто Эко, который прочел две публичные лекции в 1997 году – сначала в Центральной аудитории РГГУ, а затем во 2-м ГУМе МГУ. Слушателей оказалось столько, что лекции, с помощью имевшейся уже тогда техники, транслировались в соседние аудитории вместе с картинкой. Один из ответов Эко на вопросы аудитории я до сих пор нередко цитирую в своих лекциях по философской герменевтике. Один из пришедших на лекцию поклонников задал мудреный вопрос с мудреным толкованием одного пассажа из «Маятника Фуко» и очень хотел знать, угадал ли он интенцию автора. Елена Костюкович перевела слово в слово. Эко немного подумал, потом похвалил вопрос и признался: «Очень интересная интерпретация. Всё, что Вы сказали, конечно возможно. Но... когда я работал над “Маятником”, я об этом не думал» (смех в аудитории).

Нужно было переживать этот контекст изнутри, чтобы нисколько не сомневаться в правоте слов Бибихина, звучащих сейчас ультралиберально: «Культура – выбросим теперь спокойно “русская” – вообще не имеет стен. <.> культура по определению не имеет определения, она открытость, у нее нет границ, ограничившая себя культура быть культурой перестает». В том же 1997 году для меня пришла пора зарубежных стажировок; и оказалось чем-то совершенно естественным, например, поехать одним днем на поезде из Тюбингена

в Страсбург, чтобы послушать лекцию Ф. Лаку-Лабарта об «Истоке художественного творчества» Хайдеггера – отправиться по приглашению друга из Петербурга, с которым ты в прошлом семестре в Москве слушал лекции Бибикина. Но было верно и обратное: вернувшись в Москву, ты продолжал общаться со стипендиатами немецких фондов, с которыми – как, например, с Александром Антоновским – сблизился в аудиториях «Старой бурсы» с видом на Неккар и Holderlin-Turm. (Тюбинген до сих пор остается моим любимым университетским городом Германии – там я осенью 1999 года работал над своей диссертацией под руководством проф. Гюнтера Фигаля и посещал семинар проф. Манфреда Франка. Оба – славные ученики Ханса Георга Гадамера, который тогда уже редко принимал гостей в своем гейдельбергском доме. Сейчас я смотрю на образовательные программы философских факультетов Тюбингена, Фрайбурга и не вижу отчетливого феноменологически-герменевтического акцента. За прошедшие два десятилетия университетский ландшафт в старых немецких университетах изменился под воздействием денудационных процессов, приобретя развитые аналитические черты.)

Принадлежность к поколению не обуславливается наличием существованием и в то же время не может быть изобретена. Если угодно, своему поколению изначально не принадлежат, но в него входят. Фактичность событий переживается, эксплицируется и лишь потом усваивается в акте понимания-узнавания себя. Для этого требуется *временное отстояние*. *Die Zeit zeitigt*. Поэтому неизбежно, что поколение формирует не только встречи, но и расставания с мэтрами старшего поколения. Недавняя смерть Сергея Сергеевича Хоружего – такое печальное ознаменование ухода поколения, вложившего немало сил в сохранение русской философской религиозной мысли в 1970-е и 1980-е годы. Без него было немислимо возвращение этой традиции в 90-е годы минувшего XX века. К этому поколению принадлежали и С.С. Аверинцев, и С.Г. Бочаров, и С.М. Половинкин. В этом году ушел и Валерий Александрович Подорога. От него мы узнавали на лекциях по философской антропологии о Фрейдe, Башляре, Делёзе, причем до того, как прочесть этих авторов в переводах, а затем и в оригиналах. Такой характерный для моего философского поколения герменевтический эффект. Но тот же Подорога – это еще и последнее из поколений войны, в «генотипе» которого, как писал Борис Слуцкий, был прочно прописан момент «отчаяния».

Вообще отчаяние во всех смыслах этого слова витало в воздухе 90-х, в том числе давая полный карт-бланш на самые немислимые эксперименты. И где-то совсем рядом шли поэтические вечера «Вавилона» или перформансы концептуального авангарда.

Жизнь коротка, искусство долго,

Но в схватке побеждает жизнь.

И ДАПу сегодня отмечают 80 лет, а послезавтра – 85 лет Михаилу Леоновичу Гаспарову...

Трудно выделить кого-то из тех, кого ты считаешь принадлежащим к твоему поколению – не хватает дистанции, когда говоришь о тех, кто заслуживает включения в философские синодики уже теперь: ведь многие из них являются твоими друзьями. В России, в гуманитарном сообществе, почему-то принято говорить о людях, что они выдающиеся философы, только когда они умерли или уже очень стары. Пока по нашим интеллектуальным степям бегают молодые львы, вы не услышите честных оценок; в лучшем случае их будут критиковать. Тем не менее я назову хотя бы имена Артемия Магуна и Михаила Богатова – как тех, кто взял самое лучшее из русского *melting pot*'а 90-х годов.

Артемий окончил факультет психологии МГУ, стажировался в Страсбурге, получил PhD по политологии в Мичигане. Ввел в политическую теорию концепцию «негативной революции» и сейчас задает стандарт практической философии в России. Михаил окончил Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского и мог бы, наверное, продолжать учиться, а потом преподавать и заниматься исследованиями в любом университетском городе России и Европы, но предпочел остаться у себя дома. Вслед за Хайдеггером

и Адорно он совершает новую попытку осмысления автономности бытия искусства в современной ситуации, отказываясь от его редукции к политической или экономической рациональности. С 2007 года Михаил проводит Всероссийский фестиваль поэзии «Центр весны» (экс-«Дебют-Саратов»). Одним словом, Артемий и Михаил стали маяками для ищущей молодежи: всей своей вовлеченностью в культурную жизнь городов – Санкт-Петербурга и Саратова – демонстрируют, даже несмотря на безнадежность предприятия, что философия не является прибежищем маргиналов, а берет на себя роль интеллектуального камертона по праву.

Не могу обойти вниманием и москвичей – многосведущих и многоумных учеников Т.В. Васильевой, талантливых историков античной философии Сергея Мельникова и Дмитрия Бугая. Если для внешнего взгляда поколение отмечает свое присутствие на условной хронологической шкале выдающимися книгами, то монография Мельникова о неопифагорейце Нумении Апамейском и монография Бугая о «Государстве» Платона уже заняли свое место как примеры работ, сочетающих безупречное знание всех релевантных исследований в своей области с самостоятельной, включенной в контекст отечественных философских дискуссий мыслью. Впрочем, было бы несправедливо подчеркивать только профессиональные качества исключительно «маскулинной» части моего поколения: меня всегда удивляло это разнообразие интеллектуальных добродетелей, широта интересов и познаний – от музыки и живописи до политики, компьютерного дизайна и садоводства, – которое в не меньшей степени отличает по-настоящему ренессансные личности Елены Карпенко, Анастасии Углевой, Дианы Гаспарян.

Не менее восхищает и то, как мои собственные ученики – Алексей Плешков и Илья Павлов, связавшие свою научную карьеру с молодой *alma mater*, Высшей школой экономики, откликаются новым подходам и вызовам современности. На материале архаической и классической античной философии Алексей исследовал становление темпоральных понятий. Во время стажировки в Оксфорде в начале 2010-х годов открыл для себя метод «аналитической истории античной философии». А Илья успешно работает над классической темой по философии Н.А. Бердяева, но с актуальным акцентом на «диалектике секулярного и постсекулярного» в русской философии.

Во время одного из визитов в ИФ РАН руководитель сектора Н.В. Мотрошилова задала мне вопрос о моем научном руководителе. Я назвал имя Виктора Игоревича Молчанова. Она хитро взглянула на меня, взяла небольшую паузу и ответила:

- Получается, я Ваша «научная бабушка», Александр.
- Почему, Нелли Васильевна???
- Ну Вы же знаете: по-немецки научный руководитель – это *Doktorvater*.
- Да, именно так.
- Так значит, я Ваша *Doktorgro ßmutter*, потому что Молчанов был моим аспирантом!

С тех пор я считаю построение подобных научных генеалогий одним из самых изысканных и эвристичных занятий, которым хорошо предаваться после симпозиумов и особенно во время симпозиев. Нелли Васильевна Мотрошилова защищалась на философском факультете МГУ в 1970 году у Валентина Фердинандовича Асмуса. Валентин Фердинандович Асмус окончил Отделение философии Киевского университета в 1919 году под руководством Василия Васильевича Зеньковского. Имя своего философского прапрапрадеда я все еще выясняю...